

Многих наших читателей интересует вопрос о роде слова *кофе*. Вот что пишет нам доцент И. М. Вольпер из Ленинграда.

«По роду своей деятельности мне приходится проверять курсовые и контрольные работы студентов-заочников по товароведению пищевых продуктов. Встретив в тексте выражение «бразильское кофе» или «натуральное кофе», я делаю на полях замечание:

надо писать не *бразильское*, а *бразильский*, не *натуральное*, а *натуральный*. Справедливо ли мое замечание?»

Да, с точки зрения грамматики оно абсолютно верно. Во всех словарях *кофе* значится как имя существительное мужского рода.

Слово *кофе* пришло к нам несколько столетий назад и уже давно обрусело. От него образовались и производные слова: *кофейный*, *кофейник*, *кофейня*, *кофеварка* и др. Почему же оно не должно подчиняться общепринятым нормам русского языка? Говорим же мы: «ароматное какао», «зимнее пальто», «дамское манто»!

Выражения эти вполне привычны и грамотны, хотя, к примеру, французские слова *paletot* и *manteau* — мужского рода. И таких слов в русском языке множество. Все они — среднего рода. Почему же надо говорить «черный кофе», а не «черное кофе», подобно всем другим словам этого типа?

Думается, без всякого ущерба для чистоты и правильности русской речи можно узаконить то, что легче и привычнее для слуха и вполне соответствует общим нормам языка.

Кофе — действительно исключение из правила о родовой принадлежности несклоняемых существительных на гласный, исключение, которое объясняется своеобразной историей этого слова. Нужно ли менять устоявшиеся нормативные рекомендации относительно его употребления — вопрос дискуссионный.

Следуя пожеланиям читателей, публикуем две статьи, первая из которых посвящена истории слова *кофе* в русском языке, а вторая — специально грамматическому роду слова.

История слова кофе

РОДИНА кофе — Восточная Африка, Абиссиния, откуда его перевезли в Аравию. Наибольшее значение приобрел кофе арабийский в XVI—XVII веках: Аравия была тогда единственной страной, разводящей кофе. В Европе напиток этот стал известен в первой половине XVII века; в середине того же столетия кофе появляется в России. О нем упоминается уже в памятнике XVII века: «И яствы снесли и чаки пили кофе с сахаром» (А. Сухапов. Проскипитарий. 1649—1653). Обычно появление этого слова неточно относят к Петровской

эпохе (М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка). В то время кофе был достаточно распространённым напитком. В бумагах Петра I читаем: «Писать изволите, чтобь его нем невозить горячим питьем ... Сами можете рассудить ... чаю и кофе здесь зело мало».

Сторонники старины, противники реформ Петра, отрицательно относились к кофе, как и к другим новшествам быта эпохи. Это отражено в романе А. Н. Толстого «Петр I»: «А чай, а кофей?.. Все это зелье — из-за моря, и торгуют им у нас лютеране и католики ... Чай кто пьет — отчаётся ... Кто кофей пьет — у того на душе ков ... Да тыфу! — сдохну лучше, чем в лавку к себе возьму такое ... Всем морду обреют, всех заставят пить кофей, увидите...».

Старинное слово *ковы* означало «козни, злые умыслы» (отсюда и слово *коварный*). С ним и связывали противники кофе название напитка. У староверов отрицательное отношение к кофе отразилось в пословице: «Кто кофь пьет — ков на Бога куёт».

В 30-х годах XVIII века кофе — обязательный напиток аристократов. А. Кантемир в Сатире II (1730) обличает паразитический образ жизни дворян-помещиков, которые спят до полудня и, едва проснувшись, ждут подачи пойла, «что шлет Индия или везут с Китая» (кофе или чая), а в примечании к стиху дает толкование: «Лучший кофе приходит из Аравии, по и во всех Индиях тот овощ обилен. Всем уж у нас известно, что тот овощ, сжарив, смолов мелко и сваря в воде, вместо завтрака служит и прихотливым в забаву после обеда».

Однако со временем кофе стал украшением домашнего стола. В русском языке со II половины XVII века наряду с современной литературной формой *кофе* употреблялись многочисленные варианты, многие из которых явно носили народно-разговорный характер: кофий, кефа, кофа, кафе, кафеи, кофь, кофей, кава, кохей, кохвай, кохвнй, кохвей.

Варианты этого слова, отмеченные в русском языке XVIII века, говорят об усилении влияния ряда западноевропейских языков в разные периоды истории русского языка. В первой трети XVIII века отмечены формы: кофе, кофий, кефа, кофа.

Кофий (из голландского *koffie* или английского *coffee*) впервые употреблено в «Уставе морском» (1724). Источник заимствования бесспорен: в петровское время влияние голландского языка на русский было ощутительно.

Варианты *кофа* и *кефа* встречаются в единичном употреблении в «Путешествии стольника П. А. Толстого» (1697—1699): «Больше употребляют в питьях лимопадов, симады, кофы, чекулаты и иных тому ж подобных, с которых человеку пьяпу быть невозможно»; «Потом потчивали меня [мальтийские кавалеры] кефою и говорили о том, чтоб я на той галере ехал с ними в Мальт». Окончание *-а* в вариантах *кофа*, *кефа* указывает на то, что автору, возможно, был известен арабско-турецкий источник слова: *qahwa*.

Во второй трети XVIII века употребительны *кофе*, *кафе*, *кафей*, *кофь*.

Кафе восходит к немецкому языку (*der Káffée*) и отражает усиление немецкого влияния в 30—40 годах XVIII века. Форма *кафе* широко используется в литературе этого времени, например: «Чай и кафе суть простыя растущия вещи, которые так употребляются, как их естество производит; а на против того шоколат есть художеством из различных плодов зделанное смешенне»; «Кофь или кафе — есть Турецкое питье».

В итальянских комедиях и интермедиях, представленных при дворе Анны Иоановны в 1733—1735 годах, употребляются варианты *кафе* и *кафей*: «Бриггель учит потом Арлекина как ему надобно будет постушать, когда щоголи или любовники к его госпоже приходит станут, то есть, как должен он будет двери отворять, стулья подавать, кафе подносить, их опять до самых дверей провожать»; «Хочет его потчивать кафеем, чаем, шоколатом». Там же встречаются производные *кафейный* и *кафейщик*.

В литературе последней трети XVIII — начала XIX века можно отметить: *кофе*, *кафе*, *кофь*, *кофей*, *кофий*. Например, в произведениях В. И. Лукина: «Княгиня недавно пробудилась, пьет кофе и седые волосы подвигает велела»; «пришедши домой успела подать два раза кофей». У А. Н. Радищева наряду с *кофе* встречаются *кафе* и *кофий*: «Скоро мне земляки мои нашли учительское место за 150 рублей, пуд сахару, пуд кафе, десять фунтов чаю в год»; «Вольтер, сказывают, пивал великое множество кофию, когда хотел что-либо сочинять». Те же формы можно встретить у Державина, Карамзина.

В «Словаре Академии Российской» (1792) отмечена форма *кофей*, а в «Новом словотолкователе» Н. Яновского (1803) — *кофе* и *кофей*.

Кофь также употребляется, хотя и редко, в литературе XVIII и первой половины XIX века: «Высыпал оной (порошок) в кофейную чашку и налил в нее пемпого кофи» (Эмин. Непостоянная фортуна); «Аксютка принесла кофь (так произносилось это слово в семействе Багровых)» (Аксаков. Семейная хроника).

Кофе и варианты *кофей*, *кофий* вошли в народное употребление, отмечены в сборниках народного творчества XVIII—XIX веков. Вот примеры из песен, записанных Соболевским и Киреевским: «— Баричь, баричь, где ты был?— У девицы кофе пиль»; «Напою, сударушки, чаем, кофием»; «Часм-кофеем поил».

В народной речи употреблялись также фонетические варианты — *кохей*, *кохвай*, *кохвей*, *кохвий*: «Ани ево за дубовый стол са-

жали, ани его чаем, кохваем поили» (А. В. Миртов. Донской словарь); «[Дунька] Комиссар Вихорь, завтра на кохвей придешь» (Трнев. Любовь Яровая).

Отметим еще форму *кава* (польское *kawa* 'кофе'), зарегистрированную в Словаре В. И. Даля с пометами «в западных губерниях, с польского». В литературе XIX века она встречается лишь как экзотизм: «Кто из горнушек Вейской кавы Пил нектар медленной отравы» (Вяземский. Станция); «Польские дворяне говорили тогда [в XVII веке] о черной каве, о черном кофе, как о вещи весьма обыкновенной» (Вигель. Записки).

В русском литературном языке в XIX веке оказались устойчивыми лишь формы *кофе*, *кофей*, *кофий*. Примечательно, что все они встречаются у Пушкина: «Больной при зрителе охал и не говорил почти ни слова, однако ж выпил две чашки кофе и, охая, заказал себе обед» (Станционный смотритель); «Здесь почивал он, кофей кушал, Приказчика доклады слушал И книжку по утру читал...» (Евгений Онегин); «Проезжий не спрашивал себе ни чаю, ни кофию, поглядывал в окно и посвистывал к великому неудовольствию зрительши...» (Дубровский).

Судя по словарям современного русского языка, варианты *кофей* и *кофий* употребительны лишь в просторечии. Добавим, что это устаревшие формы. Авторы исторических романов используют их для создания колорита эпохи: «Позади Клейста на чистом столе стояла жареная говядина, румяные хлебцы и золоченая чашка с кофеем» (А. Толстой. Петр I); «Нет, я кофею с императором пить не удостоился, а капиталы приобрел» (Шишков. Емельяп Пугачев).

Таким образом, интернациональное название напитка кофе, восходящее к арабскому *qahwa*, в конце концов утвердилось в русском литературном языке в форме *кофе*. Форма эта одновременно и самая древняя: выше отмечалось употребление ее в русском языке середины XVII века.

Источник этой формы — немецкий. В истории немецкого языка известны два варианта данного слова, заимствованные из разных языков: *der Káffée* (из французского *café*) и *der Kóffee* (из английского *coffee*). Последний послужил источником современной русской формы *кофе*. Несклоняемое *кофе* приняло в русском языке форму мужского рода, как и в немецком.

Слово *кофе* дало в русском языке много производных. Уже в XVIII веке возникли слова: кофейник — 'сосуд для варки кофе', кофейница — 'сосуд или банка для хранения кофе' и гадалка, предсказывающая судьбу по кофейной гуще'.

До заимствования слова *кафе*, которое появилось в русском языке не раньше середины XIX века, в русском языке широко употреблялись слова *кофейная* и *кофейный дом* (последнее — перевод с немецкого *Kaffeehaus*). *Кофейная* и *кофейня* сохранились в современном русском языке как устаревшие слова.

Среди новых слов с корнем *кофе* следует отметить сложные слова *кофеварка* 'сосуд для варки кофе' и *кофевар*: «Я сижу за чашкой необычно вкусного черного кофе в кофейне всего на два столика, что притаилась на террасе перед рестораном... Египте служил кофеваром у хозяина» (газета «Коммунист», 14 апреля 1967).

Б. А. МАРГАРЯН
Ереван